

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ И МАТЕРИАЛОВ

О. Л. Милова

Документальные свидетельства о гонениях на духовенство в СССР в 1929–1931 гг.¹

Последнее десятилетие было отмечено пристальным вниманием историков-архивистов и других исследователей к проблемам взаимоотношений Церкви и Советского государства в 1920-е – 1930-е годы – период открытых гонений на Русскую Православную Церковь и представителей других конфессий. Множество новых документальных свидетельств, рассекреченных в середине 1990-х годов, опубликовано в виде мартирологов, списков имен людей, пострадавших от репрессий. На архивных материалах основывается и деятельность Комиссии по канонизации, завершившая важный этап работы в 2000 г., когда Поместный Собор РПЦ канонизировал более тысячи новомучеников и исповедников российских.

Данная публикация представляет новые архивные источники, относящиеся ко второму периоду массовых репрессий Советского государства против священнослужителей и мирян – после выхода известного постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях», лишившего религиозные объединения и избираемые ими органы юридических прав. Все действовавшие в то время церковные общины и приходы обязаны были регистрироваться в течение года. Местные власти имели право отказать в регистрации, в этом случае приход закрывался и церковное здание у верующих отбиралось. Они же имели право контролировать состав «двадцаток» мирян, официально зарегистрированных в приходе и арендовавших помещение, и отвергать неудобных – избранных общиной должностных лиц, в том числе и священников. Религиозные объединения не имели права организовывать кассы для сбора пожертвований,

запрещалась также всякая благотворительная деятельность, даже по отношению к нуждающимся священнослужителям и их семьям.

Фактор, усиливавший массовые гонения на духовенство и главным образом на сельских священников – это массовая коллективизация крестьянства. Поэтому не случайно, что именно к периоду 1929–1931 гг. должны относиться яркие, живые свидетельства участников этих событий.

Одним из интереснейших комплексов архивных документов, охватывающих это переломное и подчас трагическое для российского сельского священства время, являются материалы фонда «Помощь политическим заключенным», хранящегося в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. 8409). В массе своей эти документы являются источниками «личного происхождения» – это письма пострадавших от действий властей священников, их родных с просьбами к Е.П. Пешковой и организации, ею возглавлявшейся, о ходатайстве перед вышестоящими органами власти о пересмотре приговоров, перемене места ссылки и проч. Большинство арестованных священников по решению Особого совещания при коллегии ОГПУ в качестве «меры социальной защиты» получало три года ссылки в Северный Край, на Урал, Сибирь. Часто одновременно с ними высылались и члены их семей, но, как правило, в другое место.

«Помощь политическим заключенным», или «Помполит»², как часто называли эту организацию сами подзащитные, представляла собой одну из последних «правозащитных структур» в России, теперь уже Советской, занимавшихся помощью российским политическим заключенным

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 02-01-00201-а.

² Мной используется далее аббревиатура этой организации – «ППЗ».

и ссылкой. Она продолжила дело Московского Комитета «Политического Красного Креста», закрытого в августе 1922 г. С одобрения и прямой поддержки Председателя ГПУ Ф.Э. Дзержинского Е.П. Пешкова была назначена руководителем новой организации, заместителем ее стал соратник по прежней работе, юрист и инженер М.Л. Винавер. Почти шестнадцать лет — с конца 1922 по июль 1938 г. — «Помощь политическим заключенным» продолжала свою деятельность, располагаясь в непосредственной близости от ОГПУ, на Кузнецком мосту, 24. Возможности ее существенно расширились: помощь политзаключенным и ссылкой оказывалась на законных основаниях не только в Москве, Ленинграде, но и во всех местах, куда были отправлены в ссылку или в концлагеря или помещены в политизоляторы (т.е. специальные тюрьмы) осужденные по статье 58-й УК, под которую попадали и привлеченные по «церковным делам». Основными направлениями этой помощи были материальная (снабжение продовольствием, вещами, деньгами, лекарствами, книгами и т.д.), юридическая помощь, посредничество между политссылными и заключенными и отделами ОГПУ, то есть передача разного рода ходатайств и просьб. Некоторые священники, на деле ощутив действенность усилий «Помощи политическим заключенным», специально просили передать их заявления в ОГПУ через эту организацию. Так, например, священник-«староцерковник» о. Иоанн Ферронский, сосланный в Зырянский край после последнего своего ареста 27 марта 1926 г., в письме от 3 июля 1927 г. писал: «Прострите Вашу милость переслать в ОГПУ мое заявление... Если мне прислали бумаги (имеются в виду документы, связанные с обвинением и присланные из ОГПУ. — *О.М.*) только благодаря Вам, то думаю, что и заявление, посланное через Вас, будет много надежнее, чем посланное непосредственно... Заявление, посланное через Вас, приобретает известную гласность, а это важно в том темном деле, по которому я в ссылке...»³.

Документальные материалы фонда «Помощь политическим заключенным» во многих случаях дают возможность проследить судьбы священников и мирян, подвергшихся в 1920-е и 1930-е годы репрессиям со стороны советского государства — тюремному заключению, ссылкам и расстрелам. Иногда по ним можно восстано-

Екатерина Павловна Пешкова (1876—1965).
Фото из кн. «Дорогая Екатерина Павловна...» Письма женщин и детей.
Письма в их защиту. 1920—1936 /
Сост. Л. Должанская, И. Осипова. СПб., 2005.

вить значительные этапы жизненного пути этих людей, так как в этом фонде хранятся материалы за 1922—1937 гг., иногда — лишь найти несколько фактов из их жизни в этот период. Наибольшие результаты, как показывает мой опыт, приносит одновременное использование переписки ППЗ с частными лицами, т. е. писем, подобных тем, которые представлены в данной публикации, — с перепиской с ОГПУ, т. е. с «перечнями заявлений»⁴. Необходимо использовать также данные «списков» политических ссыльных и заключенных, различные разновидности которых также представлены в фонде, делопроизводственную документацию и проч. Документы фонда помогают найти или подтвердить какие-либо сведения о лицах, которые сами непосредственно не обращались в «Помощь политическим заключенным», но являлись «политическими» и проходили по

³ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 8409. Д. 190. Л. 47.

⁴ Подробнее об этом и других типах документации см.: Милова О.Л. Новые страницы в «Книге памяти» пострадавших за веру в СССР в 1920-е — 1930-е гг.: По материалам фонда Общества «Е.П. Пешкова. Помощь политическим заключенным» // Церковь в истории России. Сб. 5. М., 2003. С. 241—266.

картотеке (о них ходатайствовали родственники или кто-либо еще). Так, к сожалению, пока найдены лишь отрывочные сведения о новомученике о. Сергии Мечеве. В 1931 г., 6 января, в ссылку в г. Кадников Мечеву Сергею Алексеевичу было послано из ППЗ краткое разъяснение о том, что он как политссылный, высланный постановлением ОГПУ в Северный Край на 3 года, не подлежит отправке на работы в принудительном порядке⁵. Найдена также копия заявления его жены, Ефросинии Николаевны Мечевой, также недавно канонизированной, от 3 августа 1923 г. с просьбой разрешить ей свидание с мужем, находившемся в Бутырской тюрьме⁶, и ряд других сведений.

К Е.П. Пешковой и в возглавляемую ею организацию обращались известные иерархи РПЦ, как сохранившие верность свт. патриарху Тихону, так и перешедшие на другие позиции. В фонде «Помощи политическим заключенным» хранятся письма еп. Афанасия (Сахарова), св. архиеп. Луки (Войно-Ясенецкого), еп. Стефана (Беха), имеются сведения о св. архиеп. Феодоре (Поздеевском), митр. Никандре (Феноменове), еп. Андрее (Ухтомском) и др. В нем представлены материалы и о представителях других конфессий, подвергшихся преследованиям за веру – католических священниках и монахинях, меноннитах⁷.

В публикации представлены 26 документов, 21 из которых – письма, направленные на имя Е.П. Пешковой или в адрес ее организации, священнослужителями Русской Православной Церкви, арестованными местными властями совместно с органами ОГПУ и отправленными в ссылку. Также приводятся ходатайства, написанные женами священников. Документы 23–26 рассказывают о мирянах, осужденных по «церковным делам» – о сельском учителе (сыне священника) и верующем крестьянине-старообрядце, документ 16 – краткое обращение за помощью евангелиста Ивана Волкова.

Публикуемые документы имеют много общего (ходатайства жен арестованных или уже отбывающих ссылку священников о пересмотре приговора, о досрочном освобождении в связи с болезнью и проч.), но отличаются по своему содержанию. Так, в письме П.И. Медведкова приводится подробное описание условий и сложности работ на лесозаводе в Пинежском районе, из письма группы священников, высланных в Усть-Цилемский

Большой Соловецкий м. Дорога на Секирную гору.
Фото О.Л. Миловой. 2002 г.

район Северного края, мы получаем информацию об оказанной им организацией «Помощь политическим заключенным» материальной поддержке и об их насущных нуждах. В двух прошениях сына священника А.М. Никольского кратко и в то же время очень выпукло рисуется картина «раскулачивания» хозяйства сельского священника, высланного на три года в Казахстан. Ряд документов свидетельствует об арестах священников, произведенных без предъявления каких-либо обвинений, и задержании их на несколько месяцев без проведения допросов, об их подорванном во время ссылки здоровье. Большое впечатление производит письмо Александра Миновича Черноуцан, священника, духовно сильного человека, прошедшего через Соловецкий лагерь, свидетельствующее о состоянии крайнего отчаяния. В письме жены священника А.И. Кантовой из с. Палех подробно и четко излагаются, а потом опровергаются обвинения, предъявленные ее мужу, причем все они достаточно типичны: здесь

⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1719. Л. 274.

⁶ Там же: Ф. 8409. Оп. 1. Д. 7. Л. 231.

⁷ Значительный объем документов касается представителей «восточных католиков» – еп. Леонтия (Леонила Фелорова) и монашеской общины А.И. Абрикосовой.

Храм Вознесения Господня на Секирной горе (1862 г.).
Во времена СЛОНа – штрафной изолятор.

и организация собраний для агитации против колхоза, и сколачивание церковного «актива». Она же сообщает о факте недопущения ее детей к дальнейшей учебе в школе в связи с социальным положением их отца.

Представляют интерес и письма о мирянах, также осужденных по «церковным делам» и отправленных в ссылку и лагеря. А.И. Белинский – учитель, сын священника, более года находящийся в Свирских лагерях, обвинялся в пропаганде против коммунистической партии – выступлениях на учительских собраниях; пропаганде религии в школе; контактах со священниками. В действительности он участвовал в этнографической программе Н. Маторина и А. Невского по изучению «православного язычества» и переписывался со священниками. Письмо крестьянина Степана Моисеева, адресованное дочери и пересланное ею Е.П. Пешковой, раскрывает характер верующего человека, терпеливо и с большим достоинством переносящего тяготы ссылки, несмотря на свое расстроенное здоровье.

Священники и верующие миряне высылались, как показывают документы, из всех регионов Центральной России (Ивановская, Московская обл., Поволжье), с Украины. Районы ссылки – это Северный Край, Сибирь (Томский окр.), Казахстан (Актюбинск). В фонде «Помощи поли-

тическим заключенным» среди писем, полученных в 1931 г., имеются десятки обращений от сосланных священников. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в ответах этой организации часто указывалось, что ходатайство о пересмотре приговора или о досрочном освобождении было переслано в регион, откуда был выслан тот или иной адресат – на рассмотрение местных органов. Дело в том, что в это время расширились масштабы административной ссылки и высылки именно за счет раскулаченных, поэтому часть дел велась не центральными органами ОГПУ, а региональными «тройками».

Представленные в публикации документы ярко и детально характеризуют период гонений против сельского духовенства во время коллективизации 1929–1930 гг. «Союз воинствующих безбожников» сделал заявление о том, что в течение 1930 г. нужно превратить «красную столицу в безбожную Москву, наши деревни в безбожные колхозы, колхоз с церковью и попом достоин карикатуры...». Для осуществления этой программы в дополнение к законам 1929 г. был принят ряд административных мер, направленных против священнослужителей. В 1929 г. священники были лишены возможности дополнительного заработка, так как специальное постановление разрешало местным властям увольнять с работы все элементы, враждебные советскому обществу. В их число входили и миряне, открыто исповедовавшие свою веру. 3 января 1930 г. в «Правде» появилось постановление о том, что все ограниченные в правах лица (священники и представители дореволюционных эксплуататорских классов, частники-кустари) должны быть выселены из всех национализированных и принадлежащих государству помещений, а также помещений, принадлежащих кооперативам и промышленным предприятиям. Поэтому духовенство, обремененное непосильными налогами, было вынуждено платить втридорога за наем частного жилья в условиях жилищного голода. И даже в таких условиях, по сообщениям «Журнала Московской патриархии», священники продолжали через покаяние возвращаться в патриаршую РПЦ, в том числе и отказавшиеся ранее от сана.

Впереди была новая волна репрессий против Церкви в городах, массовое закрытие храмов в Ленинграде в 1932 г. В 1934 г. последовала небольшая передышка, хотя тогда же произошли первые аресты обновленческого духовенства. Впереди были ликвидация всех религиозных учреждений, начавшаяся в 1936 г., и массовые расстрелы 1937 г.

Поклонный крест у Секирной горы.
Фото О.Л. Миловой. 2002 г.

*№ 1. Из письма ссыльного, протоиерея
Медведкова Пантелеймона Илиодоровича.
25 декабря 1930 г.*

...Я протоиерей, до 1920 г. состоял преподавателем семинарии, а с этого времени состоял настоятелем приходской Церкви в селе Ново-Григорьевке Мелитопольского округа. В ночь на 30 января 1930 г. я был арестован Мелитоп[ольским] Окр[ужным] ГПУ, заключен в ДОПР⁸ и по суду Харьковской Тройки ОГПУ УССР отправлен в ссылку на 3 года в Сев. Край и сейчас проживаю в г. Пинега Арх[ангельского] Окр[уга], состоя на укладке реек на дрова при местном лесозаводе «Лесосвет», с заработком 30 коп. в сутки.

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 576. Л. 101.
Подлинник. Рукопись.

*№ 2. Письмо прот. П.И. Медведкова.
22 февраля 1931 г.
7636 7/III-31 г.
Село Пинега Арх[ангельского] окр[уга].*

Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Имею честь уведомить вас, что посылка за № 7636, отправленная по просьбе моей дочери чрез посредство председательствуемого Вами общества – «ПОМПОЛИТ» на мое имя в село Пинегу до востребования от 9/II-31 года, получена мною 18/II во вполне исправном виде, причем все указанные в Вашем перечне пересылаемые предметы оказались на лицо. Сердечно прошу принять от меня мою искреннюю признательность и благодарность, как Вам, так и членам возглавляемого Вами общества «ПОМПОЛИТ». Оказываемая Вами помощь Адмссылным громадна и неоценима. Расположенные в Пинежском районе, мы, Адмссылные, можем существовать только при поддержке нас родными и знакомыми при помощи продуктовых посылок, которые не из всех мест СССР принимают для пересылки в отдаленные места Сев[ерного] Края. Нужно пожить здесь, чтобы понять величие и ценность помощи, оказываемой Вашим обществом.

Не говоря уже о безработных адмссылных по старости и болезни, положение нас, работающих – кошмарное в отношении питания. Продовольственный паек, выдаваемый нам за наши деньги, ничтожен: хлеба менее 1 ½ ф.=565 гр. в сутки при приварке из рыбы и крупы мелкой ячменной в количестве 300 гр. на две недели, что составляет около 20 гр. в день на человека, т.е. менее чайной ложки в сутки; получается какой-то «wasser sup», который совершенно не дает питания и т[аким] образом, главное питание – хлеб, отпускаемый в недостаточном кол[ичес]тве при работе тяжелой для мало-мальски сохранивших силы.

Я работаю на пилке и колке дров при заводе «Лесосвет» в трехверстном расстоянии от квартиры, так как других свободных квартир не имеется, в виду прибытия громадного количества рабочих – вольных – для постройки барж. Тяжесть работ адмссылных усугубляется несоответствием этих работ с возрастом, полом и состоянием здоровья работающих. 60-летние старики пилят и колют на дрова бревна толщиной около аршина в диаметре. Монахини убирают и чистят лошадей на конюшне или скатывают в 5-ти и 6-ти ярусные штабеля тол-

⁸ ДОПР, или ДПЗ – «Дом предварительного заключения», тюрьма.

стые 12-аршинной длины бревна. В результате, конечно, выбитые зубы, повреждения травматические, срыв почек и женские болезни у женщин.

Посылаемым в обоз мужчинам и женщинам спецодежды в виде валенок и рукавиц не полагается, в результате – массовое обморожение рук и ног, оканчивающееся ампутацией пальцев на руках и ногах. Амбулаторные приемы ежедневно переполнены больными этого рода. Люди во всю свою жизнь не имевшие дела с лошадьми и запряжкой, в плохой одежде и обуви, посылаются обозчиками на расстоянии: 70, 80, 120 и 150-верстном в один конец. На каждого человека дается от 4-х до 5 лошадей, на 58 лошадей одиночной запряжки бывает только 13 возчиков, большинство которых – неумелые и неопытные. В результате – ушибы и обмороживания. Езда происходит безостановочно, как часовой механизм, выходных дней нет, происходит даже и ночью: 5 часов езды и 5 – остановки, за это время остановки возчик должен присмотреть за своими 4–5 лошадьми, отпрячь, запрячь, выкормить, напоить и приготовить себе пищу и кипяток, – что же остается на отдых. При этом нужно заметить, что все работы происходят в [? - нрзб. – О.М.] атмосфере площадной брани и возмутительного сквернословия по адресу адмсыльных и всяких попреков. Таково положение в Пинежском районе.

Прошу принять уверения в искренней признательности и почтении.

*Адмсыльный протоиерей
Пантелеймон Медведков.*

Пометы и надписи:

«Дать выписку. Срочно. П. В арх [?– О.М.] 9/ III- 31. М. В[инавер]».

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 576. Л. 106–107 об.
Подлинник. Рукопись.

*№ 3. Письмо В.Н. Розовой-Мансветовой,
жены административно-высланного
А.С. Мансветова. [без даты, не позднее
21 января 1931 г.].
940727/I-31 г.*

Т. Пешкова!

Слышала я, что Вы помогаете в ходатайствах о политических заключенных, потому и решила обратиться к Вам с просьбой помочь мне в моем горе. Мой муж, священник церкви села Ивановского на Леяти Борисоглебского района Иваново-промышленной области, Александр

Серафимович Мансветов служил в Ивановской церкви с 1908 года. До 1928 года он имел землю и занимался личным физическим трудом, никогда не принимая наемной силы. Главным источником существования был доход от земли. После 1928 года он земледелием не занимался, а жил лично на доходе от прихода и никаких вымогательств над крестьянами в смысле платы не делал. Беднякам он, по их просьбе, требы исполнял бесплатно, а также и общественные богослужения. Никакой контрреволюционной деятельности не проявлял. Все распоряжения Сов. власти исполнял беспрекословно: зиму 1929/30 года работал на лесозаготовках и на работу шел первым. Все налоги: самообложение, подоходный налог и другие заплатил в срок полностью, и никакой задолженности за собой не имел.

5 ноября 1930 года у нас был произведен обыск, и при обыске была взята переписка. 6-го ему было предъявлено явиться в ГПУ в Борисоглеб[ск]. Там он был арестован и посажен. Просидевши 10 дней, он был отправлен в Ярославль в дом заключения. Просила я в районном ГПУ разрешение на свидание с моим мужем, но получаю на это отказ. Обращалась в область, но оттуда не получила никакого ответа. Зная его как человека, лояльно относящегося к Сов[етской] власти, не думаю, что ему предъявлены такие обвинения, которые не допускают свиданий. В нашем приходе были прихожане, которые в настоящее время живут в Финляндии в городе Гельсингфорсе, и мой муж имел с ними переписку, в которой против Сов[етской] власти ничего не было. Переписка касалась жизненных экономических условий, т.к. ни тот, ни другой не были контрреволюционерами, никогда не высказывая никаких мнений против Сов[етской] власти. Письма проверялись и были изъяты, ничего против Сов[етской] власти не было найдено. Никакой агитации против партийных организаций не вел. Всем правительственным распоряжениям всегда подчинялся и ропота на свое положение не высказывал. Если он был взят по доказу, то лицо, посылающее доказ, совершенно не знает моего мужа, и доказ послан в связи со своими интересами.

Я думаю, что Вы посочувствуете в моем горе и походатайствуете о возвращении моего мужа. Ведь он не контрреволюционер, не политический преступник, а человек честный, страдающий напрасно. Ведь даже Рамзин и другие члены Пром-партии как контрреволюционеры получили помилование. Тем более мой муж, не относившийся к этому делу, считая себя невинным, и должен быть помилован и отпущен на свободу.

Прошу не отказать в моей просьбе, т.к. он и я слабы здоровьем и не находим соответствующего ему обвинения.

*Гражданка с. Ивановского на Леяти
Варвара Ник[олаевна] Розова-Мансветова.*

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 586. Л. 30–31.
Подлинник. Рукопись.

№ 4. Ответ из ППЗ

В.Н. Розовой-Мансветовой.

94076 9/II-31 г.

В.Н. РОЗОВОЙ-МАНСВЕТОВОЙ.

В ответ на Ваше обращение сообщаю, что, согласно справке, полученной из ОГПУ, здесь сведений о деле А.С. МАНСВЕТОВА, нет. Запросите о нем ГПУ в Иваново-Вознесенске.

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 586. Л. 29.
Машинописная копия.

№ 5. Письмо в ППЗ административно-высланного З.С. Флорова. 14 февраля 1931 г.
9514 31/III-31 г.

*Председательнице Российского Красного
Креста Екатерине Павловне Пешковой
административно-высланного священника
Зиновия Флорова*

Прошение

Простите меня, что я вынужден, при всех Ваших многочисленных трудах, утомить Ваше внимание своею просьбою.

Я – бывший священник – протоиерей села Елховки Средне-Волжского края (бывшего Самарского округа). Постановлением особой Коллегии Самарского Краевого ОГПУ от 1/IV – 30 г. я административно осужден по ст. 58 УК к высылке на Урал на 5 лет, а Уральским П.П. О.Г.П.У. водворен на жительство в село Обдорск Тобольского округа.

Я – старик 71 года, страдаю сердечною астмою, артериосклерозом, катаром кишок, имею защемленную грыжу в правом паху и развивающийся катаракт обоих глаз, правый глаз уже почти не видит. Таким образом, как видите, мне без помощи других и близких мне лиц самостоятельно существовать весьма трудно, почти невозможно, тем более заброшенному на далекий суровый север, без всяких материальных средств, получая, как неработоспособный, норму 8 килогр[аммов] муки на месяц, не имея других съестных продук-

тов. Суровый климат данной местности при вышеуказанных условиях для меня, расслабленного старика, является роковым. О какой-либо помощи от моих родных в виде посылок продуктов питания из г. Самары, по дальности расстояния (более 3000 верст) и при ограниченности средств моих родных рассчитывать не приходится.

До водворения меня в Обдорск я 6 месяцев был в домах заключения – Самарском, Челябинском, Свердловском и Тобольском; наказание несу совершенно невинно: мне ли, 70-летнему старику, стоящему одной ногой в могиле, имеющему на плечах голову и некоторую житейскую опытность, дойти до такой наивности, чтобы заниматься агитацией (я обвиняюсь в агитации против Соввласти и колхозн[ого] движения); никто из моих бывших прихожан этого не скажет. Мой вопрос, при допросе меня в ОГПУ: «когда, где и в какой форме выражалась моя агитация» – остался без ответа. Что же касается агитации против колхозного движения, то это обвинение должно отпасть уже потому, что вопрос о колхозах в данном селе решался тогда, как я уже [за. – О.М.] 4 месяца до этого из с. Елховки выбыл (по совету районного уполномоченного ОГПУ) и жил в г. Самаре у своей дочери. Вина моя только в том, что я – священник, прожил в приходе 47 лет, пользовался от прихожан некоторым авторитетом.

Я не стану утомлять Ваше внимание описанием тех несправедливых действий против меня активных работников данного села, некоторые из них за свои перегибы по должности несут наказание в доме заключения, прошу Вас как Председательницу такого гуманного и сострадательного к людскому бедствию учреждения, пожалеть меня, беспомощного и больного старика и, не взирая на классовую сторону, подать свой голос пред Высшею Властью: простить меня и возвратить к моим детям, которые проживают в гор. Самаре, где бы я окончил остаток немногих дней моей жизни.

При сем присылаю копию со справки о моих болезнях, выданную амбулаторией больницы Самарского дома заключения при медицинском осмотре.

*Адм.-высланный
гр. Зиновий Спиридонов Флоров.*

Адрес: Обдорск, Тобольск[ого] окр[уга].
1931 года февраля 14 дня.

Р.С. Подлинная справка о болезни моей мною отправлена в сентябре месяце 1930 г. <...> в отдел частных амнистий при Ц.И.К.

З. Флоров.

Остров Анзер. Вид с горы Голгофы.
Фото О.Л. Миловой. 2002 г.

Пометы и надписи:

«Мы увед[омили] вашу жену о необх[одимости] заявл[ения] в ОГПУ о пересм[отре] дела и разр[ешении] прож[ивать] при детях в Самаре. Заявл[ение] пришлите нам, мы перед[адим] и ув[едем] о рез[ультате]. Одновр[еменно] можете послать заявл[ение] кого-либо из детей, беру-щих Вас к себе».

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 586. Л. 263 – 264.
Подлинник. Рукопись.

*№ 6. Из письма жены, А.А. Флоровой, в ППЗ.
[без даты, не позднее 22 января 1931 г.].
9514 27/1-31 г.*

<...>

...Но целью моего прошения является не просьба оправдания его или разбора правильности постановления Самарского Краевого ОГПУ, а просьба помиловать его как больного и дряхлого 70-летнего старика. В ночь с 28 на 29 апреля 1930 г. он был отправлен этапом без предварительного медицинского осмотра, а благодаря своему болезненному состоянию он даже не может обходиться без посторонней помощи...

Теперь же около него нет ни родных, ни знакомых, и он совершенно беспомощный, без теплой одежды, заброшен в самый суровый край

– Обдорск, на произвол судьбы и верную гибель. Прошу Вас, обратите свое благосклонное внимание на бедственное положение 70-летнего старика и чем можно, облегчите его положение, и может быть, дадите возможность дожить ему немногие последние дни у своих детей – рабочих и служащих – в городе Самаре.

*Самара, ул. Фрунзе, 153, кв. 3.
А.А. Флорова*

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 586. Л. 272–272 об.
Подлинник. Рукопись.

*№ 7. Ответ из ППЗ А.А. Флоровой. 1 февраля 1931 г.
9514 1/II-31 г.
А.А. ФЛОРОВОЙ.*

В ответ на ваше обращение сообщаю, что с ходатайством о помиловании надо обратиться во ВЦИК.

Для ходатайства о досрочном освобождении вашего мужа, ФЛОРОВА Зин[овия] Спир[идоновича], можете прислать нам заявление на имя ОГПУ, указав в нем на болезнь и возраст мужа.

Заявление может быть прислано от кого-нибудь из Ваших детей, желающих взять его на иждивение. Заявление передадим и, по получении ответа, Вас уведомим.

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 586. Л. 271.
Машинописная копия.

*№ 8. Письмо в ППЗ Л.В.
Виноградовой, жены административно-высланного священника Н.И.
Виноградова.
15 января 1931 г
9426 24/1-31 г.*

Попечительнице над высланными т. Пешковой.

Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой найти в Вас участие к моему безвыходному положению, со слезами прошу Вашего ходатайства за мужа моего, Николая Ивановича Виноградова, административно-высланного в Северный край на 3 года вольной высылки. 8-го февраля 1930 года муж мой, Ник[олай] Ив[анович] Виноградов, священник с. Безводного Нижокрая, был арестован и после 4 ½ м[есяцев] пребывания в доме заключения Ниж[егородской] тройкой О.Г.П.У. был по 58 статье пункт 10-й осужден на вольную высылку. За все время сидения допрошен один раз при Кстовском РИКе⁹, где обвинили его в том, что он, «Виноградов с гр. Фед[ором] Дм[итриевичем] Тихонычевым ходил подворно и скликал кулаков на собрание для срыва колхозного дела». На самом же деле ничего подобного не было, разве мог муж допустить себе позволить такой поступок по отношению к Советской власти, тем более за месяц до его ареста мною было подано в с/совет заявление о принятии меня в колхоз с моим семейством. Крестьяне, вступившие в колхоз, начали массами подавать заявления о выходе из колхоза, что и послужило поводом для ареста мужа и других лишенцев с. Безводного. Гр. Тихонычев, имея аналогичное обвинение с моим мужем, после 2-х месячного ареста был освобожден, а мужа заочно, не приняв от него никаких доводов в оправдание его невиновности, отнесся пристрастно как к служителю культа, не придав значения и заявлению бедноты, которые своими подписями хотели доказать, что свящ[енник] Виноградов никакой агитации против колхоза не вел, ни частно, ни публично, и в предъявленном обвинении не виновен – 25 июня 1930 г. выслали

Голгофо-Распятский скит на о-ве Анзер. Храм Распятия Господня (1828), где во времена СЛОНа находился тифозный барак.
Фото О.Л. Миловой. 2002 г.

из Нижнего в г. Вельск Вологодской губ. ... Пробыв до 20 июля, вновь получил назначение на работы на ст. Коноша на прокладку новой ветки ж.д. Коноша–Вельск, где он находится и по сие время укладчиком фашины, работая в числе ударников. Тяготит не работа, а условия барачной жизни с их холодом и постоянным недоеданием, вследствие недостатка хлеба, кот[орый] за последнее время убавили, так что без домашних сухарей не хватит сил для исполнения тяжелой работы.

Сейчас он живет в деревне на частной квартире, что, конечно, не сравнить с вагоном или баракком, но далеко приходится ходить на работы, отчего страшно носится обувь, кот[орая] теперь так дорога, что при дешевой зарплате там ему не заработать на сапоги, да и от меня ему ждать

⁹ Районный исполнительный комитет.

Интерьер храма Распятия Господня.
Фото В.В. Дроздова. 2002 г.

нечего, т.к. я осталась сама 7-я: пятеро детей от 15 л. до 2 ½ л. и тетка-старуха 65 л. Дороговизна жизни и содержания, т.к. все купленное у меня, даже вода, ставят меня в безвыходное положение, при том еще налоги. С/хоз. налогу взяли с меня 359 р. 55 к., учитывая 9 м[есяцев] его службы, с мая по февраль, требуют самообложения 100% с/хоз. налога, а на днях получено извещение, где назначено с Виноградова (а его — год, как нет) 220 п[удов] сена и корову, на которую у меня только и надежды прокормиться с малышами-детьми.

Как лишенку по муже, на службу меня никуда не принимают, а налоги требуют, мужа безвинно отняли от села, и мне здесь нет покоя от налогов, без которых и так не могу удумать, как прожить и прокормить свою семью. Вот я и решила обратиться к Вам, как женщине, которая лучше поймет мое женское горе и беспомощность в моем сиротском положении и, ходатайствуя пред кем возможно, нельзя ли мужу эту высылку с принудительными работами заменить высылкой минус 6¹⁰ со свободным выбором места жительства с тем, чтоб Виноградов, найдя какое-либо дело, мог

по возможности помогать своей семье, пока не потерял окончательно здоровье, т.к. работая на болоте осенью в плохой обуви, получил ревматизм ног. Утрите слезы моих малышей-детей, вернув отца-кормильца, взятого безвинно.

Надеясь на Ваше сочувствие, остаюсь

*Лидия Вас[ильевна] Виноградова.
Село Безводное, Нижегородского края.*

Пометы и надписи:

«1) Обр[атиться] в СО и Уч[етный отдел] об освоб[ождении] в связи [?—нрзб.—О.М.] с болезнью.

2) О налоге — юристу. 6/II-31 г. (подпись) М. В[инавер]».

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 586. Л. 127 — 128 об.
Подлинник. Рукопись.

*№ 9. Письмо в ППЗ административно-высланных священников [без даты, не позднее 9 января 1931 г.].
7520 18/I-31 г.*

Правлению Общества помощи политическим ссыльным.

Высланные в деревню Ермицы, Усть-Цильмского района, Северного края, выражают благодарность за присланные им посылки, в которых оказалось: за № 7520 23/XI-30 г. на имя А.В. Говоркова — 1 кило сахару, 50 гр. чаю и кусок мыла; за № 7497 на имя В.Е. Сарментова — 2 кило сахару, 100 гр. чаю и кусок мыла; за № 7521 23/XI на имя Е.И. Покровского — 1 кило сахару, 50 гр. чаю и кусок мыла; за № (не разберешь) на имя Анастасии Преображенской — 1 кило сахару, 50 гр. чаю и кусок мыла; за № 7498 — на имя Г.С. Леонардова — 1 кило сахару, 50 гр. чаю и кусок мыла. Яропольский переселился в другую деревню и будет писать особо.

Ваши посылки ценны для нас не тем, что содержат такие предметы, коих здесь не достанешь ни за какие деньги, между тем, это большое подспорье в питании, особенно когда последнее плохо и по количеству и по качеству. Позвольте надеяться, что ваша память о нас не ограничится этой посылкой. Ваша посылка имеет для нас и другое очень важное значение. Местный Совет объявил нам, что совершенно лишает нас хлебного пособия, а после получения нами Вашей посылки изменил

¹⁰ Т.е. высылкой с ограничением проживания — кроме 6-ти указанных в приговоре Особого совещания местностей.

и свое решение и снова выдал по 4 кило муки на месяц. И мылу Вашему мы очень рады, потому что здесь всякие паразиты, живущие в домах и на теле человека, считаются чем-то вроде домашних животных. Надо очень строго храниться, а храниться нечем. Не будете ли любезны прислать нам лекарства (хотя бы на имя Алек[сандра] Вас[ильевича] Говоркова): борного вазелину, борной кислоты, скипидару, йоду, нашатыря, беленного масла, валерианы, капель Иноземцева, хинных и доверовых порошков и, если возможно, пирамидону; всевозможных порошков и других снадобий от блох, клопов, вшей и прочей пакости.

Сидим мы во тьме: ночь продолжается 20 часов, а ни керосину, ни спичек нам не дают. Нельзя ли достать в наш счет свечей и спичек и прислать нам сюда? С благодарностью вышлем стоимость. Весь день наш продолжается с 11 ч. до 1 ч., остальное время – темь. Посветите нам немножко.

Административно-высланные дер. Ермицы:
(подписи)

*протоиерей Александр Васильевич Говорков,
протоиерей В. Сарментов,
протоиерей Г. Леонардов,
протоиерей Е. Покровский,
Анастасия Преображенская.*

Пометы и надписи:

«Купите лекарств и пошлите. 29/I-31 г. М.
В[инавер]».

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 663. Л. 155 – 155 об.
Подлинник. Рукопись.

*№ 10. Письмо жены священника В. Ивановой.
6 февраля 1931 г.
10161 12/II-31 г.*

Глубокоуважаемая М-м Пешкова!

Обращаюсь к Вам как к матери, я слыхала много о Вас и решила обратиться к Вам в своем горе, так как нахожу вас единственным человеком, который может помочь мне, а главное, моему мужу в его и моем несчастье.

Не зная, к кому и как обратиться, чтобы помочь моему больному мужу, сидящему уже четыре месяца в ДОПРе и ныне назначенному в ближайшие дни к высылке, я обращаюсь к Вам, как к человеку сострадательному и справедливому к людям вообще. Я прошу Вас рассмотреть дело моего мужа и помочь ему, в чем только возможно.

Арестован мой муж четыре месяца тому назад по причине, мне неизвестной. Муж мой как служитель культа (священник) служил в селе Кохановке

Одесского округа – Владимир Игнатьевич Иванов. Изложу вам все подробно, как было дело.

Одно время в селе Кохановке, где служил мой муж, мы остались без квартиры, благодаря тому, что [у] крестьянин[а], у которого мы жили на квартире, отняли дом, т.е. «прислали план до двору». Однажды муж зашел к церковному председателю Оголюку за тем, чтобы он как доверенное лицо церкви помог бы найти квартиру для священника, т.е. для нас. Не успел он переступить порог этой хаты, как вдруг зашли трое служащих сельсовета – два мужчины и одна женщина – со словами: «А это поп что здесь делает, агитирует?», не имея на то никакого повода. И сказали следовать за ними в сельсовет, а оттуда отправили моего мужа в ГПУ в местечко Троицкое-Волконское. Спустя недели две отправили в Одессу в ДОПР, где он находится и сейчас. Могу предполагать, что арест моего мужа произошел, вероятно, только благодаря клевете на него. Если это так – то все это ложь, мой муж никому ничего худого не сделал! А главное, против власти он не шел, во всем подчинялся, ничего худого и не помышлял, политикой он не занимался совершенно, и несмотря на все это его обвиняют в какой-то агитации, обвиняют по ст. 54.10. Если бы это было действительно правда, то неужели это трудно выяснить? Я даже прошу, пусть дадут очную ставку моему мужу с теми, кто на него наклеветал, пусть расследуют это дело. За что же должен страдать человек, ни в чем не повинный. Вот поэтому-то я и решила обратиться к Вам как к человеку справедливому.

Муж мой сидит четыре месяца в Одессе в ДОПРе, ни одного допроса в ДОПРе, ни суда ему не было, а между тем он подлежит уже к высылке. Еще раз прошу Вас и обращаюсь к Вам как к матери – я прошу рассмотреть дело моего мужа. Муж мой болен чахоткой почти в последней стадии, болезнью почек, сердца и страдает малярией. Ему всего лишь 25 лет, а в таком возрасте, ведь всем известно, что болезнь очень опасна. Поэтому я бы очень просила назначить ему комиссию врачей для медицинского осмотра – это как подтверждение того, что я говорю правду. Да и вообще, это необходимо для него.

Как же этого добиться? Единственным исходом [так в тексте. – О.М.], я считаю, это ходатайство пред вами, а вы, если уж это нужно будет, похотайствуете дальше. Это моя просьба к Вам.

<...>

Кроме всего [прочего], мой муж очень плохо одет, больной и без всяких средств к существованию, да и я совершенно одинокая, как женщина слабая, да и к тому же больна, остаюсь тоже без всяких средств. Люди мы очень бедные, муж мой

Г. Тотемский р-н, лесопункт «Волочки», бараки лесорубов.
Фото 1930-х годов (Из фондов Тотемского музейного объединения)

происходит тоже из бедной семьи, отца у него уж давно нет, а мать есть, но она ничем не может помочь своему сыну, так как имеет еще сыновей, одержимых этой наследственной болезнью. Да она и сама без всяких средств к жизни. Пугает меня, что мой муж, будучи так тяжело болен и так плох одет, как сможет перенести высылку в таком состоянии? Ведь это значит то, что его посылают на верную гибель. Я прямо близка к отчаянию. У него t° все время повышена, лихорадящая все время, в продолжении этого года — особенно.

Я думаю, что если бы действительно преступник был бы на месте моего мужа в таком болезненном состоянии, то думаю, что его судили бы не как преступника, а как больного [подчеркнуто мною — О.М.].

Обращаюсь к Вам еще, многоуважаемая м-м Пешкова, с ходатайством за своего мужа и полагаюсь на Вас как на единственного человека... Если находят, что муж мой в чем-то виновен, и что высылка для него неизбежна, если его не могут освободить совершенно, то прошу о помиловании его как тяжело больного. Прошу дать ему право вольной высылки в силу его тяжелой болезни. Это моя убедительная к Вам просьба.

Уважающая вас

В. Иванова.

Адрес мой: Гимназическая, 19, кв. 9.

Ивановой.

Пометы и надписи:

«Ей обратиться в Одессу, к прок[урору], указав

на болезнь мужа. 19/II. М. В[инавер]».

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 594. Л. 130 — 133 об.

Подлинник. Рукопись.

№ 11. Ответ из ППЗ В. Ивановой.

4 марта 1931 г.

10161 4/III

Гр-ке ИВАНОВОЙ.

В ответ на Ваше обращение сообщаю, что для ходатайства по делу Вашего мужа, ИВАНОВА Владимира Игнатьевича, и для наведения по его делу справок, Вам надо обратиться к прокурору в Одессе, указав на болезнь мужа.

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 594. Л. 129.

Машинописная копия.

№ 12. Письмо А. М. Никольского.

23 февраля 1931 г.

10677 2/III-31 г.

*В Комиссию Помощи Полит. заключенным
От гр. с. Кареева, Алексея Михайловича
Никольского, Кареевского Сельсовета,
Тарусского района Московской области.*

Прошение

Отец мой, священник храма Рождества Христова, находящегося в селе Карееве (Маковец тоже), Тарусского района, Московской области, Михаил Дмитриевич Никольский, 15 августа 1930 г. был арестован ОГПУ и выслан на три года. Отец мой имеет старость — 55 лет, совершенно больной и нетрудоспособный (грыжа, малокровие и общая слабость, здоровье совершенно расстроено). В течение всей своей жизни никакой политикой и контрреволюционной пропагандой не занимался и был далек от нее, а только отправлял как служитель культа, возложенные на него обязанности, которые на основании существующих декретов СССР не подлежат преследованию. Невинность моего отца в подрыве коллективизации доказывается тем, что во время подготовки к проведению ее и во время проведения — он часть зимы и весной 1929—1930 г. находился на пилке дров в лесу.

Я считаю, [что] арест и высылка моего отца основаны на ложных донесениях, с предвзятой целью, которую прошу расследовать. В настоящее время он находится в гор. Актюбинске Каза[х]ской республики.

Прошу Комиссию помощи Полит. заключенным ходатайствовать перед всероссийским центральным Исполнительным Комитетом о снисхождении к участи моего отца и о возвращении его с места ссылки.

(подпись)

А. Никольский.

*В Комиссию Помощи Полит. заключенным
От гр. с. Кареева, Алексея
Михайловича Никольского,
Кареевского Сельсовета,
Тарусского р-на
Московской обл.*

Прошение

Отец мой выслан на три года. Я, сын его, А.М. Никольский, двадцати лет, остался с больной матерью 55 лет и нервно-больной сестрой 23 лет. В правах гражданства восстановлен 12/XI-30 г. Президиумом ВЦИК Советов. Сельхоз-налога уплатил 391 р. 38 к. — в погашение этой суммы полученные деньги за сданный хлеб по плану ко двору: ржи — 76 п. 20 ф., овса — 85 п. 20 ф. и 40 пуд. картофеля. У нас буквально ничего не осталось для питания семьи, все покупаем. Самообложение 100%, то есть 391 р. 38 к., я уплатил только 20 руб., платить осталось — 371 р. 38 к., и уплатить не в силах. При том имею извещение — единовременный сбор 100%, то есть 391 р. 38 к. Уплачено мною 10 руб. Выхода совершенно никакого нет. И погасить задолженность 752 р. 76 к. средств совершенно никаких не имею.

По нашей местности за задолженность налогов назначается распродажа всего имущества, с оставлением только, что на себе платя. Что за громадную задолженностью 752 р. 76 к. может последовать и с моим бедным семейством. Мое хозяйство состоит: одна лошадь, одна корова, одна овца, при том теленок и поросенок семи месяцев. Агентом Тарусского Райсоюза по заготовкам Актом от 15/II-31 г. отобран весь скот с фуражом, а именно: корова, овца, теленок, поросенок, за исключением лошади — 15 лет. Так что хозяйство уничтожено, и за задолженность налогов 752 р. 76 к., наверное, придется остаться на улице, без крова, питания, разутый и раздетый, бедной и больной моей семье. Семейство приходится содержать мне одному, притом также и отца, которому требуется от 50 до 60 р. в месяц, все очень дорого. Он выслан на вольное прожитие

в г. Актюбинск, Каза[х]ской обл., Ивановская ул., 72-й, Михаил Дмитриевич Никольский.

Прошу Комиссию помощи Полит-заключенным о материальной поддержке моего бедного больного отца.

(подпись) А. Никольский.

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 597. Л. 230–231 об.

Подлинник. Рукопись.

№ 13. Ответ А.М. Никольскому из ППЗ.

19 апреля 1931 г.

10677 19/IV-31 г.

А.М. НИКОЛЬСКОМУ.

В ответ на Ваше обращение сообщая, что заявление Ваше по делу Вашего отца, М.Д. НИКОЛЬСКОГО, передано нами в ОГПУ. С ходатайством о помиловании обратитесь во ВЦИК непосредственно, по отбытии ½ срока ссылки.

Об обложении обратитесь в местную юридическую консультацию.

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 597. Л. 229.

Машинописная копия.

№ 14. Письмо М.П. Черноуцан. [без даты, не позднее 4 апреля 1931 г.]

10540 9/IV-31 г.

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Если можно, пожалуйста, посодействуйте облегчению участи мужа моего, Александра Миныча Черноуцан. Он был задержан Сарапульским (Урал) ГПУ в январе 1928 г. и по постановлению коллегии приговорен к заключению в Соловецкий конц. лагерь на 3 года по обвинению в хранении нелегальной литературы. За 3 года заключения он очень измотался и сейчас инвалид со 2 постоянной категорией, несмотря на то, что ему не так много лет: 48. Вызвавшись добровольно на работы по лесозаготовкам, он участвовал в ударных бригадах, попадавших на красную доску и отмечавшихся похвалой в приказах по лагерю. За три года ни разу не подвергался даже замечаниям.

Он сильно надеялся на полное освобождение, но получил вольную высылку в Северный край. Долго я ничего не знала о нем, и вот сегодня получила открытку, которая пугает меня: тон ее совершенно не свойственен автору, который до сих пор никогда не жаловался и старался меня успокоить. Я тяжело больна и ничего не могу изменить для того, чтобы помочь близкому мне

Тотемский р-н. Вывоз бревен из леса.
Фото 1930-х годов (Из фондов Тотемского музейного объединения)

человеку. Помогите, научите, что можно сделать. Открытка из Вологды. Нельзя ли телеграфом запросить разрешение мужу поехать к месту назначения немедленно? Видимо, условия пребывания в Вологодском Дом[е] зак[лючения] очень тяжелы. Муж мой в Соловках перенес сыпной тиф. Прошу очень, помогите...

М. Черноуцан.

Пометы и надписи:

«Отправл[ено — ? — О.М.]»; «Свящ[енник]»; Заявл[ение] Ф[ельдману] о свободном проезде из Вол[огды]. М.В[инавер]. 10/IV»;

«Перед[ано] заявл[ение] 30/IV. М. В[инавер]».

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 573. Л. 54 — 54 об.
Подлинник. Рукопись.

*Ответ из ППЗ Марии Петровне Черноуцан.
16 мая 1931 г.
10540 16/V-31 г.*

В ответ на В/обращение сообщаю, что В/письмо получено с большим опозданием и предпринимать что-либо для разрешения В/мужу сво-

бодного проезда из Вологды было уже поздно. О пересмотре дела В/мужа и отмене ему высылки, ввиду тяжелого физического состояния, — пришлите заявление на имя ОГПУ, к которому приложите мед. справки о его болезни.

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 573. Л. 53.
Машинописная копия.

*№ 15. Письмо-открытка Александра Миновича Черноуцана.
26 марта 1931 г.*

Милая и дорогая Маруся!

Терпение мое сильно искушается. Больше никаких сил не хватает, если не проявится как[им]-ниб[удь] образом чудо милости Божией. В противном случае, да будет воля Его: смерть лучше настоящего положения. Нашим злоключениям, по-видимому, нет конца. Когда нас вывезут из этого ада, неизвестно. Говорят, существует на свете какой-то «Красный Крест». Облегчает ли он в какой-то мере человеческие страдания? Сегодня на дворе хорошо. Солнечно.

[Вставка между строк: «Помогите. Спасите. Раньше 19 апреля не отправят. Не в силах будем выжить». — О.М.]

Я уже хожу в ботинках, «услонских», пока еще уцелевших от проявлений человеческого альтруизма. Общество разнообразно, главным образом, энтомологического свойства. Когда-то хоть минимум чистоты, тишины и покоя. А главное, когда-то я получу от тебя весточку. Разрываюсь прямо от тревожной неизвестности. Будущее в смысле перспектив мало радостно, а главное, в смысле возможности свидания. Положение мое хуже услонских говорух [? – нрзб. – О.М.]. Впрочем, поскорее бы на воздух и за решетку. Неужели [нрзб. – О.М.] Пасху суждено мне провести в клетке.

Крепко целую тебя и детей.

Твой Саша.

[Приписка: «Хоть бы в Нижегородскую] тюрьму попасть. Радость была бы – вместе с тобой и детьми. Привет». – О.М.].

[Приписка по правому краю открытки: «Свободный гражданин» – О.М.].

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 573. Л. 56 – 56 об.

Подлинник. Рукопись. Карандаш.

№ 16. Письмо И.С. Волкова.

[6. д., 1930 г.].

7904

Штамп:

Проверено III отд. Севлон ОГПУ

Привет [нрзб. – О.М.].

В октябре я, евангелист Иван Степанович Волков, арестованный ГеПсУ на 5 лет за пропове[д]ь воскресения Христа и за святое Его Евангелие. Нахожусь в нужде, ноги и руки совсем раздет[ы], не имеют покрывала и голова, а на теле есть рубище. Итак, дорогие братья и сестры, если [есть] возможность, помогите для Христа покрыть мое тело. Христос говорит: Душа больше пищи и телу одежды. Но я не в силе быть без одеяния и прошу помощи от вас.

*Мой адрес [до ареста. – О.М.]:
Нижегородская губ., Богородкавского [?]
у., Пантелеевского сельсовет[а]
Деревни Киргина
Иван Степанович Волков.*

Обратный адрес на открытке:

Гор. Котлас Северодвинского округа ОГПУ, арестованный Иван Степ[анович] Вол[ков].

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 575. Л. 18 – 18 об.

Подлинник. Рукопись. Карандаш.

*№ 17. Письмо А.М. Павленко,
жены священника Н.А. Павленко.*

28 февраля 1931 г.

10925 9/III-31 г.

Глубокоуважаемая Гр. Пешкова!

Простите, что не зная Вашего отчества, обращаюсь к Вам пофамильно. Не знаю Вашего отчества, но от людей слышала о Вашей доброте и отзывчивости к страдающим и потому решаюсь обратиться к Вам со своим горем и страданиями, и просьбой.

У меня больной 55-летний муж – священник села Скоромыс [?] Житомирского горсовета б. Волынского округа, Никифор Авксентьевич Павленко, еще с 10-го апреля 1930 г. находится в ссылке в Томском округе, и здоровье его с каждым разом ухудшается. Из дому он выбыл 1-го февраля 1930 г. инвалидом, лишенным на 80% трудоспособности, а в ссылке, после работ на огородах Колпашевского Сибуллона, после перенесенных им карбункулов, болезненной вспышки на ранее больных ногах и кровавого поноса, медицинская комиссия признала его совершенно неспособным к физическому труду инвалидом. В довершение к своей слабости при переходе в минувшем декабре на другое место жительства в заимку Волково Горского сельсовета, Чаинского р-на, Томского округа, поморозил ноги и это еще усилило его страдания. Детей у нас нет, и я всегда помогала сиротам, неимущим и бедствующим, а сейчас, имея от роду 53-й год и более года страдая повторными кровоизлияниями из легких, ослабившим мои физические силы, сама очутилась в тяжелом положении со своей воспитанницей-сиротой<...>

Одновременно с этим письмом я подаю просьбу в Комитет Помощи Политическим заключенным о содействии к освобождению и возвращению из ссылки моего мужа и вас прошу, не откажите в Вашем содействии.<...>

Верьте мне, что муж мой никогда не совершал никакого преступления; ни он, ни я не занимались ни контрреволюцией, ни агитацией, ни подстрекательствами; не подвергались арестам. Если бы моложе лета и крепче силы, то и Сибирь была бы не страшна, а при настоящем состоянии здоровья она нам трудно, трудно выносима. До гроба не забуду Вашей помощи...

С глубоким к Вам уважением

Ан. Павленко

Примечание:

На л. 118 находится рукописная копия медицинского свидетельства Колпашевского врачебного участка от 7/X-30 г., где значится: «...Павленко

Никифор – миокардит, эмфизема легких, цирроз печени. К тяжелому труду вообще не годен...»

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 570. Л. 113–114.
Подлинник. Рукопись.

*Ответ из ППЗ А.М. Павленко. 4 апреля 1931 г.
10925 4/IV-31 г.*

В ответ на Ваше обращение сообщаю, что согласно полученной справке, заявление Ваше переслано в Харьков для проверки. Ответа можно ожидать месяца через 2.

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 570. Л. 111.
Машинописная копия.

*№ 18. Письмо в ППЗ А.М. Павленко. 1 ноября 1931 г.
10925 3/XII-31 г.*

Глубокоуважаемая Екатерина П.!

Горе и несчастье заставляют меня вопреки моей природе быть нахальной, и я опять осмеливаюсь беспокоить Вас своей просьбой. В течение месяца июля сего 1931 г. я получила 5 писем от ссыльного моего мужа Никифора Павленко, в которых он извещал меня о своем безнадежном болезненном положении и навсегда простался со мной. Продолжительное неполучение мною писем от мужа заставляло меня думать, что его нет в живых, и я ожидала извещения о его смерти, но [в] конце сентября получила письмо от мужа, в котором он сообщал, что в его болезни произошел поворот к лучшему, только силы совершенно ослабели и он совершенно неработоспособен. Вышеуказанное побуждает меня просить вас оказать содействие к возвращению из ссылки давно больного и теперь болеющего моего мужа, священника села Скоромыс [?], Житомирского Горсовета Никифора Авксентиевича Павленко, который в настоящее время находится в заимке Волково Томского округа, Чаинского района, Горского сельсовета, местности с суровым, жестоким климатом, в летнее время окруженной непроходимыми болотами и на 200 верст отдаленной от медицинской помощи.

Помогите моей беде, облегчите тяжелое положение моего старика-инвалида мужа. Вовек не забуду Вашей помощи. Я уже раньше писала Вам, что ослабленное повторными кровоизлияниями из легких состояние моего организма не дает возможности перекочевать к мужу, и это еще

более усугубляет страдание. Дело о моем муже в Помощи Политическим Заключенным числится под № 10925.

Уважающая Вас просительница

Ан. Павленко.

*Адрес мой: г. Житомир,
улица 1-го Травня, д. № 24^а,
для Анастасии Моисеевны Павленко.*

Примечание:

Л. 120 – Письмо из ППЗ А.М. Павленко. 10925. 26/VIII-31 г. – «Ответа из Харькова пока не получено».

Л. 124 – Здесь же имеются сведения о передаче заявления А.М. Павленко о пересмотре дела мужа – священника Н.А. Павленко:

«Уч[етный Отдел]. 16/III – 72/2003; Уч[етный Отдел]. 26/III – 100/12.

В Харьков для проверки»

Л. 127 – пометки о передаче заявления А.М. Павленко:

«перед[ано] 16/VIII. Уч[етный Отдел]. 4/VII – 312/6».

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 570. Л. 125–125 об.
Подлинник. Рукопись.

*№ 19. Письмо Я.Н. Загорского. 7 марта 1931 г.
11061 12/III-31 г.*

*Г. Москва, Кузнецкий мост, д. № 24.
Политический Красный Крест,
Председательнице
Екатерине Павловне Пешковой.
Бывшего священника Петропавловской,
Г. В[ышний] Волочок церкви,
Московской обл.,
Иакова Николаевича Загорского.*

Заявление.

Будучи осведомлен о Вас, Екатерина Павловна, как о лице, которое принимает участие в судьбе граждан, высылаемых по политическим делам, – и ходатайствует перед Высшею Советскою властью о смягчении их участи, я решился обратиться к Вашему содействию по аналогичному делу. Дело касается моей жены, Зинаиды Александровны Загорской, проживавшей во время ареста в дер. Очеп, Удомельского РИКа, Московской обл., арестованной 8 февраля 1930 г., и по определению Тверского ОГПУ после следствия высланной в г. Рыбинск на 3 [года], а оттуда впоследствии переправленной в г. Мологу, Иван[ово]-Вознес[енской] Пром[ышленной] области, где проживает и в настоящее время.

Тотемский р-н. Слотка леса (обозначение, принятое у лесозаготовителей. — О.М.).
Фото 1930-х годов (Из фондов Тотемского музейного объединения)

Жена моя, А. Загорская, с осени 1926 г. проживала отдельно от меня в поселке Новое Перлово, Удомельского РИКа Московской обл., где у ее детей было маленькое (менее 3-х дес.), безлошадное хозяйство. Хозяйство вел младший сын, Петр Яковлевич Загорский, и двое других сыновей находились на заработках в г. В.-Волочке... За отсутствием в хозяйстве лошади и достаточной рабочей силы, в обработке земли применялся наемный труд. Все шло благополучно до весны 1929 г. Петр Я. Загорский работал и вел полевое хозяйство, и его мать, З.А. Загорская, вела домашнее хозяйство и ухаживала за домашними животными, налоги уплачивались своевременно, и местная власть такой порядок вещей считала нормальным. Весной 1929 г. взгляд местной власти круто изменился. Петр Я. Загорский был признан эксплуататором наемного труда, лишен права голоса, и хозяйство было причислено к разряду индивидуальных хозяйств.

Осенью этого года, когда начался сбор сельхозналога, с этого хозяйства было потребовано 20 пуд. хлеба и 20 пуд. картофеля; этот наряд был выполнен своевременно. Спустя немного времени был потребован дополнительный сбор в

60 пуд. хлеба (30 пуд. ржи и 30 пуд. овса). Не имея в наличии такого количества хлеба и занятый поисками его, сын Петр опоздал с его доставкой на 2–3 дня. Хотя и с опозданием, но этот наряд все-таки был выполнен. Это опоздание было сочтено за злонамеренное действие — как срыв хлебозаготовок, и местная власть привлекла сына Петра к суду. Местный нарсуд от 3–4 декабря 1929 г. приговорил его к 1 ½ годам заключения в Исправдоме с конфискацией имущества. Местному населению такой приговор показался слишком жестоким и несправедливым, что впоследствии и оправдалось. Кассация и протест в Тверскую прокуратуру не имели успеха. В конце дек. 1929 г. или в начале [19]30 г. была произведена и продажа имущества с аукциона. Но какими-то путями это дело моего сына поступило на пересмотр в Московский Областной суд. Рассмотрев дело, ... суд состава преступления не нашел, опоздание в доставке требуемого количества хлеба на 2 – 3 дня не счел злонамеренным и потому от 27 авг. 1930 г. вынес постановление: приговор нарсуда 4-го уч. Удомельского РИКа..., отменить и дело производством прекратить. О своем освобождении сын Петр узнал только 29 ноября 1930

г., в г. Шенкурске, Архангельской Обл., куда он, после 4-х мес. пребывания в Исправдоме, вначале в г. В.-Волочке, а потом в г. Твери, был... отправлен в ссылку на все остальное до 1 ½ лет время. Таким образом, ясно, что Петр Я. Загорский пострадал совершенно безвинно...

Расправившись так несправедливо с сыном..., местная власть принялась за его мать – мою жену, Зинаиду А. Загорскую, старуху 60 лет. Жена моя, изгнанная перед продажей имущества из своего дома, перешла временно... на жительство в соседнюю деревню Очеп к одной одинокой гражданке. Здесь-то в ночь с 8-го на 9-ое февраля 1930 г. она и была арестована. Арест производили: Судья Лебедева (судившая моего сына), агент ГПУ и милиционер. При аресте у нее было отобрано свыше 400 р. денег (бумажных), несколько продовольственных и домашних вещей, даже были вынуты сер[ь]ги из ушей. Плохо одетую, при большом морозе, ее повезли за 18 верст на ст. Удомлю, откуда и препроводили в г. Тверь в Исправдом. Следствие тянулось 2 ½ мес.; ей были предъявлены три пункта обвинений: 1) знахарка, 2) преподавала Закон Божий и 3) срыв колхозного собрания. За такие преступления Тверская Ок[р]ужная прокуратура дала ей 3 года высылки с правом по своему усмотрению избрать место... высылки. Жена моя...избрала г. Рыбинск, куда она и приехала в конце апреля 1930 г. Через 4 мес[яца] из Рыбинска ее препроводили в г. Мологу..., где проживает и в настоящее время.

До этих событий я жил три года отдельно от жены, не находился при ней также и во время этих событий, а потому не могу судить, насколько справедливо или несправедливо по существу предъявленные ей обвинения. Но по словам некоторых местных жителей, следствие велось при- страстно и направлено было к ее обвинению.

... Возможно, что... в деле моей жены, при беспристрастном к нему отношении со стороны высшей советской власти, не найдется состава преступления... Эти-то соображения и натолкнули меня на мысль просить Вас, Екатерина Павловна, взять мою жену под свое покровительство и ходатайствовать пред кем следует о смягчении ее участи, тем более, что отбывая наказание уже целый год (включая и 2 ½ мес. исправд[ом]а), жена моя до некоторой степени искупила свою вину, если таковая за ней значится. Не отрицаю, что жена моя, убитая горем и находясь в нервном... настроении, могла при разговорах допустить и позволить себе неосторожные слова и выражения, не отдавая себе в них ясного отчета. И это вполне возможно со стороны такого человека, как

моя жена, которая лишилась всего имущества и на глазах которой сын ее, молодой 22-х-летний человек, на первых шагах своей самостоятельной жизни потерпел такое жестокое крушение...

*Бывший священник
Петропавловской г. В[ышнего]
Волочка церкви,
Иаков Николаевич Загорский.*

*Мой адрес:
Г. Вышний Волочок, Московской обл.,
Революционная слобода,
Фабричный переулок, д. №. 4.*

Пометы и надписи:

«1) Кто выслал – ГПУ или РИК?; 2) короткое заявл[ение]. 14/III. М. В.[инавер]».

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 566. Л. 80–81 об.
Подлинник. Рукопись.

*№ 20. Письмо Н.Е. Кузнецовой.
[б. д., не позднее 17 июля 1931 г.]
14837 29/VIII-31 г.*

*Политический Красный Крест
Т. Екатерине Павловне Пешковой
От гр. Н.Е. Кузнецовой.*

Прошение

Муж мой, священник Кузнецов Павел, уже полгода томится в Канской тюрьме в самых тяжелых условиях. За это время мне не разрешили ни одного свидания. Арестован он агентом [Кан]ского ОГПУ гр. Орловским в связи [с] насиль[ственным] закрытием Амонашенского храма Канского района и молитвенного дома в дер. Шумихе. Подробности этого дела следующие.

В 1929–30 годах в Канском округе начали административным порядком насильственно закрывать храмы, и из 85 закрыли таким порядком до 50 храмов, в том числе и Амонашенский. Причем община этого храма получила разрешение от местной администрации перенести церковную утварь из храма в дер. Шумиху, в дом гр. Хайсона, давшего подписку общине представить этот дом в бесплатное пользование для совершения богослужения. В начале 1930 г. религиозная община в с. Шумихе была зарегистрирована и получили в этом удостоверение, почему и просили Епарх[иальное] Управ[ление] назначить священника, каковым и был назначен протоиерей Толмачев, который отслужил у них только в праздник крещения 19 января 1931 г. и затем уехал, боясь репрессий со стороны местного сове-

та. После Толмачева служить в с. Шумихе и был назначен мой муж Кузнецов.

Когда он приехал в Шумиху, то по распоряжению председателя Шумихинского с/совета, церковная утварь из дома Хайсона была убрана, и Кузнецову не только запрещено было совершать богослужение, но даже и требы, а через два дня по прибытии его в Шумиху он был назначен на трудовинность в лесосек, где и работал целый месяц, беспрекословно подчиняясь всем законным и незаконным распоряжениям местной сель[ской] власти, и все же, несмотря на проявленную им покорность и послушание, он оказался арестованным и безвинно 6 месяцев несет в тяжелых условиях лишение свободы, и конца этих незаслуженных не видно. Если его подозревают в агитации крестьян к ходатайству о возвращении Амонашенского храма, так это документально неверно, т.к. еще в июне месяце 1930 г., когда Кузнецов, служа в с. Шелиховой за 600 верст, даже не знал о существовании дер. Шумихи.

Председатель Шумихинского Цер[ковного] совета гр. Романов, арестованный вместе с Кузнецовым, ездил в Москву во ВЦИК с ходатайством от общины о возвращении Амонашенского храма. Ему там обещали храм открыть, что и дало верующим и надежду, и мужество хлопотать о возможности совершать богослужение, а священник Кузнецов здесь совершенно не при чем. Почему и набралась смелости просить Вас как известную защитницу всех невинных страдальцев обратить на это дело внимание Власть имущих и Кузнецова, как несправедливо заключенного, выпустить на свободу или продвинуть дело.

Проситель

*Кузнецова Надежда.
Адрес: г. Канск, В.С.К.¹¹,
Бородинская № 20.*

Прошу о результате ответить, при сем прилагаю марки.

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 595. Л. 130–131.

Подлинник. Рукопись.

*Ответ из ППЗ Н.Е. Кузнецовой.
14 августа 1931 г.
14837 14/VIII-31 г.
Н.Е. КУЗНЕЦОВОЙ.*

В ответ на В/обращение сообщаю, что в своем письме Вы не сообщили отчества В/мужа, без

чего и запросить о его приговоре мы не можем; для ходатайства об ускорении следствия по делу можете прислать нам на имя ОГПУ заявление с указанием, где и когда арестован В/муж, Павел КУЗНЕЦОВ. Заявление мы передадим и о результате Вас уведомим.

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 595. Л. 129.

Машинописная копия.

*№ 21. Письмо В.С. Жданова. 17 июля 1931 г.
14898 2/VIII-31 г.*

*Председательнице «Помощи
Политзаключенным» Е.П. Пешковой.
Заключенного в Витебском
(Белоруссия) исправдоме,
Протоиерея Виктора Стефановича
Жданова.*

Просьба.

В январе месяце сего 1931 года я получил от Епархиального Архипастыря назначение настоятелем к Витебской Иоанно-Крестительской церкви. Заручившись беспрепятственностью в этом назначении со стороны местного Государственного Политического Управления, я вступил в исполнение своих священнических обязанностей по означенному приходу.

Ночью с 24 на 25 апреля сотрудники Витебского ГПУ произвели у меня обыск — взяли 2р. 40 к. медью, 1 р. 50 к. серебром, рукописный акафист Св. Тихона Задонского и другие бумаги столь же невинного характера, арестовали меня, и я уже скоро три месяца нахожусь в исправдоме.

Весь 1930 год я был в заключении за неуплату непосильного для меня налога, и за этот год ослеп на один глаз на нервной почве, получил нервные припадки и слабость ног. Мне 60 лет, здоровье мое слабеет, и теперешнее мое положение, при моем нервном состоянии положительно невыносимо своею неопределенностью, так как меня еще ни разу не допрашивали и обвинения никакого не предъявляли, а знаю себя совершенно ни в чем не виновным.

Поэтому усерднейше прошу Вашей возможной помощи в моем деле.

Протоиерей Виктор Жданов.

Пометы:

«Выз[ать] жену: «Адреса жены нет».

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 595. Л. 320–320 об.
Подлинник. Рукопись.

№ 22. Заявление А.И. Кантовой. 12 сентября 1931 г.

16719 16/Х-31 г.

Москва. Е.П. Пешковой.

Помощь Политическим Заключенным.

Гр. с. Палеха Юж[ского]

р[айона] ИПО¹²,

жены осужденного священника,

Анны Ивановны Кантовой.

Заявление

Постановлением Ивановской Областной Суд[ебной] коллегии ОГПУ от 10 мая с/г за № 79 мой муж, Феодор Димитр[иевич] Кантов, подвергнут социальной мере защиты – пост[ановление] 58.10, 11, 12 – в числе [?] человек с отбыванием наказания сроком на 5 лет.

Ему предъявлены обвинения в контрреволюционных преступлениях в с.Палехе в 1925 – 1930 г., которые выразились будто бы:

I – В устройстве собраний стр. Рождественской, с церк[овным] стар[остой] Ворониным и членами церк[овного] сов[ета], где будто бы муж мой на одном из собраний сказал, что – «колхоз – болячка».

II – Сколотил вокруг церкви актив – церк[овный] сов[ет] из женщин – и дурманил народ.

III – В церк[овной] сторожке будто бы говорил, что народ обременен налогами, и по результатам такой работы мужа, из колхоза выписалось несколько человек.

В предъявленных обвинениях виновным мой муж себя не признал, т[а]к к[а]к означенные обвинения не отвечают действительности. Предъявленные обвинения, по словам мужа, обоснованы прежде всего на оговоре его сослуживца – диакона А. Мамина, на почве личных счетов. Будучи в заключении, А. Мамин, после предъявления обвинения [нрзб. – О.М.] на совмест[ной] прогулке при свидет[елях] по камере и через записку просил прощения и раскаивался в своих поступках нечестных..., что было записано в протоколе допроса ОГПУ 26 н[оября] <...>.

Никаких собраний, ни церк[овных], ни антиколхозных, у Рождественской не устраивалось. Воронина муж знал как церк[овного] старосту и никакой другой связи с ним не имел. По-видимому, и коллегия ОГПУ не придавала этому значения,

что доказывается тем, что Рождественская репрессиям не подвергнута. У Рождественской мой муж бывал лишь по хозяйственным делам (уборка сена) и с церк[овными] требами.

Что касается «сколачивания» церк[овного] сов[ета], такого факта не было. Церк[овный] совет избирало общее собрание прихода, в него вошли мужчины и женщины, что зарегистрировано Южским Адм[инистративным] Отд[елом]. Собрания устраивались в храме и всегда с разрешения Сов[етской] власти, что и было записано в протоколе 26 нояб[ря] 1930 г. В церк[овной] сторож[ке] никаких нелегальных собраний не устраивалось. Церков[ный] Сов[ет] по своей инициативе иногда и собирался, куда в необходимых случаях вызывались и члены причта, в этих собраниях ничего контрреволюционного не было. Право ходатайствовать перед Сов[етской] властью у прих[одских] сов[етов] не отнято, и изыскивать средства на уплату налогов на храм... не воспрещено. Что касается выхода из колхоза нескольких человек, это было в связи с[о] статьей тов. Сталина «Головокружение от успехов», и связать это с деятельностью мужа нельзя. Эти выходы, возможно, были результатом перегибов бригады колхоза: дело аг[ронома] Чинова и др. осужд[енных] показ[ательным] суд[ом] с. Палеха. За то же было смещено все руководство местной ячейки ВКП(б), что объявлено было в печати.

<...>

На основании вышеизложенного, прошу Вашего ходатайства пересмотреть дело мужа и смягчить суровое наказание. Примите во внимание то обстоятельство, что я с четырьмя детьми школьного возраста осталась без средств к жизни, имущество продано за налог мужа. Близнецы Борис и Глеб кончили школу I ст[упени], все четыре года были пионеры и активисты, и теперь выброшены из организованного детства, в I группу не приняты по социальному положению. В нашем селе Палехе в Ш.К.М. [имеется – ? – О.М.] место, прошу Вашего содействия о принятии их. Здоровье мужа очень слабое, он страдает психостенией, невроз сердца, слабость легких, опять начались приступы малярии.

*Анна Ивановна Кантова,
гр. с. Палеха ИПО.*

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 589. Л. 36–36 об.
Подлинник. Рукопись.

¹² Ивановского промышленного округа.

№ 23. Из письма дочери С.Ф. Моисеева,
А.С. Шонгиной. 25 сентября 1931 г.

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 581. Л. 215–216 об.
Подлинник. Рукопись

Уважаемая тов. Пешкова!

Несколько времени тому назад к Вам обратился с просьбой ... мой отец, который, 1/IX–30 г., проживая в г. Лаишеве Казанской губ., был арестован и выслан из пределов в Область Коми; Усть-Нем, Усть-Куломского края*. На его письмо к Вам, Вы были настолько внимательны к его старчеству и болезненному состоянию, что обещали похлопотать и просили его выслать справку о его болезни. Находясь в безвыходном положении – ибо справку как таковую трудно достать потому, что местность, где он находится, является подчиненной концлагерю, а, следовательно, и справки врачами не заверяются, он, обрадованный Вашими заботами, еще более расстроился и... прислал мне письмо, которое я Вам и прилагаю, в котором, изливая свою беспомощность, просит меня как доч[ь] помочь хотя бы каким-нибудь советом <...>

Для сведения сообщая, что мой отец обвиняется за то, что якобы высказывался против колхозной реформы и за разговоры против снятия колоколов**. Как видите, оба факта, если принять во внимание 70-летнюю старость отца, их традиции, неграмотность, всецело говорят за то, что это делалось не умышленно, а следовательно, если его отдадут мне на поруки, то он, безусловно, врагом нашей Соввласти быть не может...<...>.

Тов. Пешкова! Еще раз прошу, спасите мне отца, а ему на старость – дочь, которая могла бы дать покой.

Гор. Краснодар, ул. Коммунаров, д. № 102.
Анна Степановна Шонгина.

23/XI–1930 г. я подавала в Президиум ЦИК-а СССР и Коллегию ОГПУ о помиловании моего отца, но ответа никакого не получила.

А.Ш.

Примечания:

* Здесь приведены ошибочные сведения: вначале С.Ф. Моисеев был выслан в Архангельскую обл., Сев. Край. – О.М.

** В своем письме в ППЗ (Д. 581. Л. 212 об.), С.Ф. Моисеев указал, что будучи «из старообрядцев», он этого вопроса не касался. Он писал, что «все обвинения на меня возведены ложно, из-за того, чтобы отобрать у меня дом, в который еще до моей высылки поместили в верхний этаж – детскую площадку на 100 чел., а внизу сдавали квартиры учительницам».

№ 24. Письмо адм[инистративно]-
высланного Степана Филипповича Моисеева
дочери, Анне Степановне Шонгиной
[не позднее 13 сентября 1931 г.]
Усть-Нем, Усть-Кулом. района,
Обл. Коми.

Милые мои Аня, Николай Иванович, Галя и Коля!

Спешу пожелать Вам от Господа добраго здоровья и благополучия в жизни Вашей, а затем шлю сердечный привет и лучшие пожелания. Как Вы, мои милые, поживаете, я живу очень неважно. Ты, Аня, спрашиваешь, где я и с кем живу. На это скажу: сегодня с одними, завтра с другими. Об углах и думать нельзя, никто не пускает, боятся своих сельсоветов. С месяц жил в шатре на берегу реки, но комары выгнали, пошел в сельсовет, прошу квартиру – дают в доме раскулаченного. Пришлось поместиться наверху в сарае – и этому рады, и что же – дом продают с торгов. Нас выгоняет хозяин, опять в совет – назначают квартиру за 3 версты в другую дер[евню]. И это ладно, рады, что от почты недалеко. И этот дом продают, нас тоже хозяин новый гонит, пошли утром... в другой дом, тоже раскул[аченного]. Там были уже 11 чел[овек] да нас еще 7 чел[овек], сарая нет. А со мной понос, не успеваю бегать: я страдаю поносом уже более 2 месяцев. Врач дает разные лекарства, но не помогает. Конечно, желудок испортился от плохого питания. И вот, Господь помог мне с немцами вернуться обратно в Усть-Нем. Сплю на лавке, но на деле я почти не сплю – только и бегаешь в ватер, а если заснешь, то подштанники неси на реку, а иногда и 2-е за ночь. Вот поэтому я решил: лучше не спать, лишь бы не возиться с бельем, отдать вымыть некому. Понос свалил меня, да еще лихорадка, а вот дня 4 нельзя ни дышать, ни повернуться, ни кашлянуть. Думаю, что воспаление легких. Попросил врача послушать – говорит, пока нет, но дам порошков. Встречаюсь на дороге и говорю: «врач, мне трудно дышать». Велела придти и поставить банки. И вот кончу письмо, иду в больницу. Ну вот, теперь будешь знать, где живу.

Аня, я просил сахару, но раз его нет, то нельзя ли добиться винных ягод, они есть очень сладкие. Ты пинешь, чтоб я менял вещи, а что менять – шубу нельзя, зима в глазах, валенки, сапоги – тоже нельзя, без одеяла тоже нельзя остаться. Да и не у кого, ничего кроме картошки, не выменяешь. Были у меня подошвы для сапог, я их про-

дал и думаю покупать мяса, конечно, конина. Не хочется есть, но все, даже и священники едят, да раза 2 меня накормила одна добрая особа – я и не знал, что ел. Потом она сказала, что это жеребенок – от баранины не отличишь, но и это бывает редко. Масло скоромное было по 10 р. фунт, а сейчас не найдем.

Что касается удостоверения, схожу к врачу и попрошу ее и, если даст, тотчас вышлю в заказном. Ты пишешь про чайник, но ведь в дороге, наверно, изомнут, чайника у меня нет, и очень неудобно. Если решишь послать, то для одного, в крайности, на 2 чел[овека], большой не [надо]. Я вчера от тебя получил письмо и от Вали. Это первый раз, как уехал из Архангельска. Валя пишет, что 2 пер[евода] получил обратно из Архангельска – и еще должны вернуться, а ты что посылала, получила обратно? Если нет, то требуй. Я там из-за распутицы получить не мог, а потом меня увезли. Белья у меня есть 3 пары, больше не надо. Меня губит питание: дают 300 гр. – хлеба дадут, ладно, но дают сухари, вот это меня губит. Хотя бы было что из сладостей, размочил сухарь и со сладким поел бы, рыбы не дают. Ну, пока, будьте здоровы, крепко целую.

Л[юбящий] В[ас].

Ст. Моисеев.

Примечание:

На л. 220, 220 об. – находится приписка к письму с просьбой к дочери написать на имя уполномоченного ОГПУ в Усть-Кулом заявление о разрешении взять отца к себе на жительство, на основании его старческого возраста и многочисленных болезней [перечислены. – О.М.]

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 581. Л. 219–219об.

Подлинник. Рукопись. Карандаш.

№ 25. Письмо из ППЗ С.Ф. Моисееву.

6 апреля 1931 г.

С.Ф. МОИСЕЕВУ.

11572 6/IV-31г.

В ответ на Ваше обращение сообщаю, что на перевод из одной местности в другую, ни какое-либо иное изменение от нас не зависит. Мы можем лишь ходатайствовать перед ОГПУ о разрешении переехать Вам из Архангельского р-на в Омский, для чего Вы можете прислать нам на имя ОГПУ заявление, недлинное и мотивированное, с приложением мед[ицинской] справки о том, что вы нуждаетесь в грязевом лечении. Заявление Ваше передадим и о результате Вас уведомим.

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 581. Л. 211.

Машинописная копия.

№ 26. Письмо А.А. Белинской в ППЗ.

30 ноября 1931 г.

18183

21/XII. 31 г.

Обращаюсь к Вам с надеждой получить совет.

Я жена осужденного в концентрационный лагерь на 5 лет. Мой муж, Александр Иванович Белинский, был преподавателем в Опочецком педтехникуме, школе семилетке и в партшколе. 7 ноября 1930 г. в нашей квартире был произведен обыск, взята корреспонденция, его письменные работы, и он был заключен в тюрьму. Дальше 3-х месячное сидение в тюрьме в Пскове и приговор: на 5 лет в концентрационный лагерь[ь] в Кем[ь]. В настоящее время он в Свирских лагерях. Вот уже прошел год с лишком, как он лишен свободы. Обвинен по 58 ст. пункт 10. Подробнее: пропаганда против партии – выступления на учительских собраниях; пропаганда религии в школе; сношения со священниками. Обвинения громкие, но ни на чем не основанные. За свои слова я готова нести ответственность и ставлю ручательством свою собственную свободу.

Мой муж – сын священника и только этим и виноват перед советской властью. На этом построены и все обвинения. Его обвиняют, что в 1925 году на учительском собрании он будто бы «коварными вопросами» старался унижить советскую власть. Я знаю, что мой муж вовсе не выступал на собраниях на политические темы, а если приходилось выступать, то по чисто педагогическим вопросам. На собраниях ведутся протоколы, так что это возможно установить. За такие выступления его давно бы сняли со службы и т. д., однако же он учительствовал в Опочке 11 лет и приблизительно за 2 месяца до ареста был назначен преподавателем в партшколу. Пропаганды религии он нигде и никогда не вел, если не считать такого случая, который был истолкован как пропаганда. Во время урока о пролетарских писателях речь зашла о поэте Клюеве, то было сказано, что он произошел из староверской семьи. Кто-то из учеников задал вопрос, кто такие староверы. На что был дан самый короткий ответ. Это было истолковано как пропаганда религии.

Сношения со священниками (у меня целы и сейчас эти письма) вел письменно по сбору этнографического материала в плане краеведческих работ. Вел по программе Н. Маторина и А. Невского по изучению «православного язычества» присланной по адресу: Ленинград, Мраморный дворец. Добыть нужные материалы он мог только от священников и на это имел разрешение.

Председатель Опочец[кого отдела] Народ[ного] Образов[ания] Ключкин и заведующий в настоящее время школой-семилеткой Сватков знают об этом. Об этом докладывалось на учительском собрании, и им поручено было дать ответ мужу в положительном смысле. Однако же когда я обратилась к Ключкину дать свое подтверждение, он отказался. Заведующий педтехникумом в то время Владимиров на мою просьбу дать подтверждение, что пропаганды в школе не велось, ответил, что уже давал свои показания, куда следует. Я подавала заявления в феврале 1931 г. в Ленингр[адское] ГПУ, в прокуратуру с просьбой пересмотреть дело мужа. Ответа не последовало. Неужели за 19 лет педагогической деятельности он заслужил 5 лет ссылки? Я знаю, что он всегда считал своим долгом добросовестную работу

под руководством советских организаций. И этот долг он выполнял честно. В настоящее время он в Свирских лагерях; работает в конторе в качестве делопроизводителя. Я знаю, что и там он заявил себя добросовестным работником и ему дана хорошая характеристика.

Я хочу просить о пересмотре его дела, об облегчении его участи и о совместном с ним сожигательстве. Прошу дать мне направление в данном случае.

А. Белинская

Мой адрес: г. Опочка Ленинград[ской] области, Завеличье, А.А. Белинской.

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 584. Л. 96 — 98 об.
Подлинник. Рукопись.

